

Очень Шумный Пёс

Разные бывают собаки. Некоторые играют тихо, бегают неслышно, - они молчат, даже когда в дом приходит вор, и нападают на него неожиданно, с гордым достоинством. Другие лают от радости, встречая хозяина, или предупреждают рыком: не подходи, чужой, здесь я живу. Очень Шумный Пёс всегда всё делал шумно. Во сне он громко храпел и сладко посапывал. За обедом аппетитно причмокивал, лакал и звенел миской. Когда он ходил по комнатам, то пол скрипел, стулья падали, а двери хлопали. Представьте только, как он визжал и лаял, гоня мяч!

Во дворе он забирался на лавочку с ногами и гавкал во все стороны: «гав-гав», а потом опять «гав-гав», а потом опять... И так до тех пор, пока на небе не появлялась луна. Сначала Очень Шумный Пёс смотрел на неё, вытянув шею и скулил потихоньку, а потом вспоминал какую-то свою грустную собачью песню и долго, протяжно выл. Совсем как волки зимой.

«Этот шум невозможно терпеть!» - кричали из окон. И каждое утро, просыпаясь, Пёс давал себе клятву, что больше никогда, ни за что не будет шуметь, и очень старался всё делать тихо, но шум неожиданно появлялся сам собой. Например, идёт по лестнице Сосед, когда его никто не ждёт, стучит в свою соседскую дверь и звенит ключами. Или Страшно Трусливый Воробей прыгает по подоконнику. Очень Шумный Пёс забивался под кровать в самый дальний угол, прижимал уши и считал до трёх (дальше он не умел). А потом всё начиналось сначала: скрип, грохот и лай!

Надо сказать, что у Очень Шумного Пса был очень тихий Хозяин. Такой тихий, что все думали, что его нет вовсе. Но Очень Шумный Пёс точно знал, что Хозяин есть. Просто он часто и надолго куда-то уходил. А потом возвращался грустный и тихим голосом говорил: «Прости, мой друг, я очень устал и хочу выспаться. Вот поешь и походи погуляй без меня». Тогда Хозяин доставал из большой спортивной сумки какую-нибудь вкусную еду, какую-нибудь косточку, обязательно с мясом, выкладывал в миску для Очень

Шумного Пса и ложился на диван спать. Он умел спать даже тогда, когда всё вокруг звенело и грохотало.

Но однажды Хозяин сказал совсем другие слова: «Собирайся, мой друг, мы поедem на море. Тебе понравится!» Очень Шумный Пёс не знал даже, что делать- радоваться или огорчаться. Он никогда не был на море и не знал, какое оно. Но на всякий случай начал собираться: лаять и визжать, сопеть и звенеть миской, бегать по комнатам, скрипеть полом, ронять стулья и хлопать дверьми.

«Подумаешь, море!» - воскликнула Ужасно Нервная Ворона. Весьма Солидный Кот фыркнул, будто в нос ему попала вода, а Страшно Трусливый Воробей чирикнул: «И чего так суетиться? Ключи не забудь!»

Море оказалось очень странным: огромным-огромным, искрящимся от солнца, мокрым и...шумным. Море плескалось, звенело, накатывало, шуршало галькой и шипело пеной. А над ним хлопали крыльями и пронзительно вскрикивали чайки. А ветер пел и шелестел деревьями на берегу. И даже Хозяин громко кричал «эй-е-ей!», смеялся и шлёпал по воде босыми ногами. Очень Шумный Пёс слушал очень шумное море, очень шумных чаек, очень шумный ветер, очень шумного Хозяина и молчал. Он сидел на берегу тихо-тихо, потому что нельзя делать два разных дела одновременно: невозможно сразу и шуметь и слушать.

Очень Шумный Пёс думал: «Как жаль, что никто: ни Ужасно Нервная Ворона, ни Весьма Солидный Кот, ни Страшно Трусливый Воробей, ни Сосед не слышат, как прекрасно шумит море». А потом он бежал за Хозяином по кромке воды и плескался, и нырял, и хлопал ушами, отряхиваясь, и визжал, и восклицал во все стороны: «гав-гав!», а потом опять: «гав-гав!», а потом опять... Он первый раз делал это с удовольствием.

Левая и Правая

Сказка про перчатки

Жили-были две перчатки. Они были похожи друг на друга, как сестрички-близняшки: обе белые, мягкие, пушистые. Связала их бабушка для любимой внучки Машеньки из тёплой ангорской пряжи. Только одна была левая, а другая – правая. Так их и звали – Левая и Правая.

Однажды повели их на прогулку. Левая перчатка вздыхала: «Ох, как тут холодно, как сыро! Я вся продрогла от ветра. Я промокла от снега. Пожалейте меня!». И тогда Машенька положила Левую перчатку в левый Карман. Подружилась Левая с Карманом, свернулась клубочком, согрелась и уснула в нём.

А Правая перчатка удивлялась: «Какая странная у меня сестричка. Ведь так прекрасен мир вокруг! Так ярко светит солнышко! Так блестит снег! А ну-ка, поиграю в снежки! Вот здорово!». И она играла вместе с детьми в снежки, каталась с Машенькой на санках и так расшалилась, что стала убежать: то за ветку зацепится, то в сугроб прыгнет, под снегом спрячется. Испугалась Машенька, что потеряется Правая, и тоже её в Карман положила, только в правый. Перчатке там не понравилось. «Тесный ты и тёмный, - сказала она Карману. – Сначала мусор выброси, потом меня приглашай, сколько фантиков накопил!». Обиделся Карман на Правую перчатку и стал её выгонять. Толкал, толкал и вытолкал.

К счастью, Машенька уже домой пришла. Правая на пол упала. «Какая же ты шалунья, Правая перчатка!» - сказала бабушка и положила сестричек на батарею греться. Левая даже не проснулась, а Правая всё вспоминала, как интересно было на улице. Наступила ночь. Скучно стало Правой перчатке, и попросила она Батарею: «Эй, Батарея, спрячь меня! А утром я тихонько в окно выпрыгну и буду одна играть в снежки, кататься с горки и забираться на деревья». В ответ Батарея булькнула что-то непонятное. А Правая – прыг –

на подоконник, да не удержалась, за Батареею упала и застряла там. Как ни старалась, выбраться не смогла.

Утром Машенька нашла только Левую перчатку и заплакала: «Такая красивая, белая, мягкая, пушистая! И одна! Что же мне теперь с тобой делать?». Где только не искали Правую: и на вешалке в прихожей, и в шкафу, а за Батареею заглянуть не догадались.

И тогда бабушка взяла Левую и подвернула на ней крайние пальчики, оставила только два средних – на макушке. «Это ушки!» - сказала она. К Ладонке пришила чёрные бусинки: «Это глазки!». И розовой ниткой вышила нос. Наполнила бабушка перчатку ватой и перетянула ниткой. Посмотрела Машенька – а это уже и не перчатка вовсе, а Зайчик, белый, мягкий, пушистый. Обрадовалась девочка и стала его наряжать, песни ему петь и спать укладывать.

А что же Правая перчатка? Пролежала она за Батареей до лета. Запылилась немного. Стал играть щенок Тимка и нашёл её. И утащил на улицу. Так отправилась Правая путешествовать. Только где она сейчас - никто не знает. А вы не видели?

Как Грустная Кукушка свой дом искала

Жила в лесу Грустная Кукушка, не было у неё своего домика – ни норки, ни гнёзда. Просто так, на ветке жила, где придётся. А потому настроение у неё обычно было пасмурное, как осеннее небо, и чувствовала она себя очень несчастной, ведь трудно быть счастливым, если нет у тебя своего дома или хотя бы небольшого скворечника.

Сидела однажды Грустная Кукушка на большой берёзе и плакала:

«Ку-ку, ку-ку...»

В это время пролетала мимо Ужасно Нервная Ворона.

- Нет, это уже невозможно слушать! – воскликнула она. - Дорогая, ты своим «ку-ку» скоро доведёшь всех до нервного стресса!

Грустная Кукушка вздохнула и опять:

- Ку-ку, ку-ку... Не везёт мне в жизни, нет у меня своего гнёздышка.

- Это потому тебе не везёт, что птица ты бесполезная! – Ужасно Нервная Ворона устроилась неподалёку, раскачивая ветку, и продолжила:

- Другое дело я! Всем, чем могу, людям помогаю. Потому и жилплощадь у меня в городе имеется. В экологически чистом районе, между прочим.

- И как же ты помогаешь? - спросила Грустная Кукушка.

Ужасно Нервная Ворона, взмахнув крыльями, подпрыгнула:

- Как? Это все знают! Все! Я убираю мусор! Я – Главный Санитар Города! Люди-то сорят – а я убираю, а они опять сорят! Ни дня, ни минуты отдыха! Как много работы!..

Ужасно Нервная Ворона сердито бормотала и каркала, а Грустная Кукушка задумалась: «Но я не умею убирать мусор. И что же мне делать?»

- Что и говорить! – махнула крылом Ужасно Нервная Ворона. - Одно слово – бесполезная!

И улетела.

Грустная Кукушка отправилась в город. Домов здесь было много: больших и маленьких, кирпичных и деревянных, высоких и не очень, с окнами, лестницами и даже с балконами. Но во всех уже кто-то жил.

Грустная Кукушка перелетала с ветки на ветку, заглядывая в окошки, и очень надеялась, что найдётся что-нибудь и для неё. За оконными стёклами цвели цветы и колыхались на сквозняках занавески, подпрыгивали серые мухи и раскачивались на паутинках серебряные паучки; а где-то в глубине этого неведомого для Грустной Кукушки мира шевелились, то появляясь, то исчезая, вздыхали, вскрикивали, разговаривали, пели песни и шептались тени и очертания людей.

День шёл за днём, а подходящего жилища не находилось.

Повстречался как-то Грустной Кукушке Страшно Трусливый Воробей. Но на этот раз он почему-то представился как Воробей Шустрый. Воробьи, конечно, встречались ей и раньше, но этот оказался особенно разговорчивым.

- Чего клюв повесила, подруга? – спросил он, как это и свойственно городским воробьям, налету. – Давай со мной, угощу. Тут неподалёку кафе открыли. Лучшая точка в городе.

Грустная Кукушка обрадовалась случайному собеседнику и сразу же полетела рядом. Не потому, что была голодна, а потому, что устала от одиночества – ей очень хотелось с кем-нибудь поговорить.

- А почему лучшая? – спросила она.

- Да там повар – стажёр. Еды так много готовит, что к вечеру на улицу ставит. В одном ведре тебе каша, в другом – овощи, в третьем – суп гороховый. И каждый день новое меню.

Грустная Кукушка не знала, что такое, это «меню». Но Шустрому Воробью поверила. Из-за дверей кафе доносились звон посуды и голоса: «Тьфу, есть невозможно!», «Да моя кошка лучше яичницу жарит!» Почти полные вёдра с едой уже были выставлены за дверь. Неподалёку лениво прогуливалась пара голубей.

Пока Шустрый Воробей с аппетитом клевал пшённую кашу, Грустная Кукушка рассказала ему о своей беде: мол, нет у неё своего дома, негде от дождя, от ветра укрыться, негде и кукушат растить.

- Эка беда! – воскликнул Шустрый Воробей. – Ты же птица лесная – гнездо свей!

- Да не получается у меня, – вздохнула Грустная Кукушка. – Сирота я. Научить некому было. Так всю жизнь с ветки на ветку и скачу...

- Ну тогда, как мы, воробьи, под крышу какую-нибудь заберись. Укромных местечек, вполне пригодных для жилья, много. И нам, воробьям, места хватает, и стрижам, и другим городским птицам. Я думаю, и тебе хватит. - Шустрый Воробей сладко потянулся, взъерошив пёрышки, и не прощаясь, улетел.

Теперь Грустная Кукушка стала внимательнее присматриваться к тому, где и как живут городские птицы. Воробьи облюбовали уютные местечки под балконами и свисающими краями крыш – застрехами. Их небольшие гнёздышки сложены из тонких веточек и соломинок. Городские вороны и галки устроились в парках и сквериках, на самых высоких деревьях. Воронье гнездо издаലെка чёрное и всклокоченное, как клякса. Видела Грустная Кукушка и круглое, прочное гнездо сороки, снаружи как будто из веточек слепленное. Ласточки и стрижи тоже лепят свои домики из комочков влажной глины, но прикрепляют их не к деревьям, а к стенам домов, под выступами и навесами. Иногда они устраивают гнёзда даже в старых дымоходах.

Большая холодная туча зацепилась за деревья.. Сначала порывы ветра несли вдоль улиц клубы пыли вперемешку с мелкими ветками и мусором. А потом начался ливень. Грустная Кукушка летела, куда глаза глядят, лишь бы побыстрее спрятаться от проливного дождя. И тут в одном из домов, прямо под крышей, увидела дыру от выпавшего из стены кирпича и забралась в неё. Это был ход на просторный чердак, где уже нашли пристанище несколько голубиных семей.

- А у нас гости, ребята! – один из отцов семейства хлопнул крыльями и выпрыгнул из темноты прямо навстречу Грустной Кукушке. – Позвольте представиться, мадам, Голубь Сизый, к Вашим услугам!

Озябшая и растерянная Грустная Кукушка сначала даже ответить ему не смогла. Голубки обступили её и стали нескромно разглядывать, тут же комментируя увиденное: «Что за птичка! Приезжая, наверное?!», «А крылышки какие! Сапожки оранжевые! Жаль, у нас сейчас такое не носят!», «Вы только посмотрите, какой у неё хвостик! Я такого ни у кого не видела!»

Но после первых вздохов и ахов оказалось, что голуби – довольно приветливые и дружелюбные птицы. Правда, гнёзда их, неряшливо сложенные из редких прутиков и стебельков, кукушке не очень понравились. Зато сюда не могли добраться ни дождь, ни ветер, а голуби – птицы несуетливые, вежливые и нежадные. Они тут же пригласили залетевшую гостью поклевать пшена из разорванного пакета, невесть кем и почему забытого тут, и были нимало удивлены, когда она отказалась. Голубь Сизый попытался уговорить Грустную Кукушку поужинать:

- Дорогая, не стесняйтесь! Пшена много, а когда закончится – не беда. На улицах этого города еды достаточно.

- Я не стесняюсь, - ответила она. – Я просто не ем пшена.

Голубки зашептались: «О, у неё хватает силы воли соблюдать диету!», «Конечно, обидно потерять такую прекрасную фигуру!», «Я знала, что она иностранка!»

- Прекратить галдёж! – Голубь Сизый махнул крылом в их сторону и снова обратился к кукушке. – Если Вам не трудно, будьте добры, подскажите, чем вас угостить, прекрасная незнакомка. А ещё нам не терпится узнать, кто Вы и откуда прибыли в наш город?

- Меня зовут Грустная Кукушка. Я прилетела в ваш город из леса, потому что мне негде жить. Нет у меня в лесу своего гнезда, – кукушка вздохнула. - Большое спасибо за гостеприимство. Вы очень добры. Я и

правда, сейчас бы поужинала, но моя любимая еда – мохнатые гусеницы. А по праздникам – небольшие лягушки и ящерицы.

Пока голуби совещались, как бы угодить гостье, Грустная Кукушка огляделась по сторонам.

Чердак был большим, заваленным всякой всячиной: старыми газетами, верёвками, узлами, сломанными стульями. Здесь вполне можно было устроить своё гнёздышко. Сначала Грустная Кукушка решила так и сделать. Лепить и плести она ничего не стала, боясь, что ничего путного у неё из этого не выйдет, а просто устроилась в старенькой плетёной корзине у самого выхода.

Добродушные голуби снисходительно отнеслись к странностям новой знакомой. Окружив её заботой и вниманием, они помогали, как только могли. Опытные голубки рассказали, как сделать гнёздышко мягким и уютным для будущего птенчика, пожилые голуби раскрыли секрет, как обмануть хитрого полосатого Восьма Солидного Кота, а Голубь Сизый показал ближайший фруктовый сад, в котором водились необыкновенно вкусные разноцветные мохнатые гусеницы.

Вскоре и погода установилась – переменчивая майская уступила место настоящей летней жаре. А погружённые в семейные хлопоты хозяйственные голуби почти потеряли интерес к соседке, живущей в корзине напротив. Грустная Кукушка, поначалу несказанно благодарная судьбе за такую удачу, опять затосковала. С каждым днём она всё реже заглядывала на чердак. В парке было гораздо интереснее. Она усаживалась на самую крепкую ветку самого высокого тополя и вспоминала, как хорошо ей жилось когда-то в лесу.

В городе – пыльно и шумно, а Грустная Кукушка любила чистый воздух, наполненный ароматами трав и мягким шелестом листьев. По дорожкам парка то катили с треньканьем и шуршанием велосипеда, то пробегали с громким лаем собаки, то прогуливались городские жители с плачущими капризными малышами, а в репродукторах, висящих на

фонарных столбах, постоянно кто-то пел. А Грустная Кукушка предпочитала тишину и уединение. Сколько же дней прошло с тех пор, как она перебралась из леса в город?

И тут она обнаружила, что умеет считать. Две белки на ёлке. Три облачка на синем небе. Четыре вороньих гнезда между тополиными ветками. Двенадцать воробьёв около ларька. Вот это было здорово! До сих пор Грустная Кукушка и не подозревала, что умеет делать что-то особенное. Пусть Ужасно Нервная Ворона умеет убирать мусор, воробьи – плести гнёзда, стрижи и сороки – лепить уютные домики. Но они не умеют считать! А Грустная Кукушка умеет! И может посчитать всё, что угодно.

Ей не терпелось поделиться с кем-то своим открытием.

Внизу по траве вышагивал, размахивая панамкой, пухлый розовощёкий карапуз.

Рыжеволосая раскрасневшаяся дама, сидевшая рядом на лавочке, приговаривала:

- Павлуша, внучек! Сколько раз бабушка сказала, не снимай панамочку, солнышком головку напечёт!

- Ку-ку, ку-ку, ку-ку. – Отсчитала Грустная Кукушка.

- Вот, даже кукушка слышала, что три... - продолжала с изумлением в голосе заботливая бабушка. Теперь она вертела головой во все стороны, пытаясь разглядеть, где же прячется такая умная кукушка.

- Ой, кукушка-кукушка, скажи, сколько мне ещё лет жить осталось?!

Грустная Кукушка сначала подумала, а потом ответила:

- Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку.... - Она всё куковала и куковала, без перерыва, без отдыха.

Дама с карапузом осталась вполне довольна и давно ушла. Солнце пронизывало листву ослепительными закатными лучами. Грустная Кукушка наконец-то почувствовала себя по-настоящему счастливой. Нет, она не бесполезная птица, как назвала её однажды Ужасно Нервная Ворона. И жить в лесу, наверное, не так уж и плохо, пусть и без собственного гнезда. Ведь

там она родилась. Значит, у неё есть свой дом. Просто он очень большой!
Весь лес.

Как Ворона обиделась.

Когда-то у всех птиц на Земле были одинаковые перья. Птички сапожки, штаны, рубашки и даже шапочки – всё было серого цвета. Спрячется серая птичка в ветвях или у корней деревьев, в кустарнике – лиса пройдёт мимо, не заметит ни самой птички, ни её гнезда. Но иногда случались недоразумения. Захочет, например, дятел с другом поздороваться, подлетит – хлоп его по плечу! – а вместо друга-дятла голубь лесной или, что ещё хуже, – хищная какая птица. Тут только успевай, крыльями махи – улепётывай.

Однажды собрались птицы на совет, как быть? Попросили Сову – самую мудрую птицу в лесу:

- Сова, ты давно живёшь, долго тут сидишь, много видела и знаешь. Подскажи, что надо сделать, чтобы издали видно было, какая птица летит: родственница и помощница или обжора и забияка.

Ударил Сова в волшебный бубен три раза, облетела поляну, на которой птицы собрались, и отвечает:

- Угу, знаю, что надо делать. Но помните, что не только вы будете издали видеть и узнавать друг друга, - лиса и волк тоже будут знать, где какая птица, и прятаться вам станет труднее.

- Ничего, - расхрабрились птицы, - нас много, мы вместе и лису, и волка прогоним.

- Тогда прилетайте завтра утром.

Всю ночь Сова не спала: лесные цветы и ягоды собирала, готовила краски.

Утром началась в лесу суета. Каждой птице хотелось быть самой красивой, самой яркой.

Сова очень старалась. У Зимородка спину и хвост голубым покрасила, клюв – красным, а рубашку сделала оранжевой. Чижу всю спинку зелёным

украсила, а полосы на крыльях и хвосте – жёлтым. Зяблику синяя шапочка досталась и красный фартук. Хватило красной краски и на шапочку Дятлу, и Цапле на козырёк, и Снегирю на грудку, и Гусю на сапоги. Клёт с женой прилетел. Себе красные пёрышки выбрал, а жене – зелёные и жёлтые.

И все птицы были довольны, все Сову благодарили и одежду свою новую друг перед другом расхваливали. Весело в лесу стало, ярко. А лисе на обед никто не достался, потому что в зарослях цветов, в зелёной и жёлтой листве пёструю птичку разглядеть нелегко.

Одна только Ворона сидела на ёлке угрюмая, ни с кем не разговаривала, никого не хвалила. Никогда никто в вороньей семье перья ни раскрашивал, ни мама, ни бабушка. Очень боялась Ворона серые перья на цветные менять. И не могла выбрать, какой же цвет ей больше всех подойдёт. Прилетела к Сове последней и спросила:

- А нет ли у тебя, Сова, цвета особенного, не яркого, не тусклого, которого никто не видел, кроме тебя?

- Отчего же, знаю такой цвет, – говорит ей Сова. – Я его вижу ночью, когда все птицы спят. Садись, глаза закрой, чтобы краска ровно легла.

И Сова покрасила Вороне перья в чёрный, как ночь, цвет.

Открыла Ворона глаза, оглядела себя, разозлилась на Сову, да поняла – сама виновата. О чём просила, то Сова и сделала. Чёрный цвет – не яркий, не тусклый, никто его раньше не видел, потому что ночью все спят. Затаила Ворона зло и улетела из леса куда глаза глядят.

С тех пор вороны сов не любят, прогоняют. Но случается это редко, потому что совы живут в лесу, а вороны – в городе.

Улыбка прошлогоднего листа

- Дорогая, ты уверена, что этот кот – уроженец нашего города? Возможно, он прилетел с другой планеты и воспитывался в оперном театре. Интересно, это баритон или бас... Пожалуй, бас-профундо, хотя...

- Ой, глупостей не говори, я его у Ларискиной кошки ещё котёнком взяла. Поспать дай.

- Хм, поспать.... Я бы тоже хотел поспать.

Часы показывали половину пятого. Было ещё темно. Дверь спальни дребезжала под напором мощных когтей.

«Мао! Мао!» - вопил Весьма Солидный Кот. Так он пытался намекнуть, что уже утро и пора бы позавтракать.

Но вместо звона кастрюль и мисок, кот вдруг услышал чей-то протяжный стон и совершенно неожиданно оказался на улице.

За дверью подъезда таял март. Снега уже не было, но и трава пока не выросла. Проявившиеся под весенним солнышком клумбы дышали прогретой землёй, светились водой, застоявшейся в ямках. Теперь Кот стоял на крыльце, растопырив четыре намокшие лапы, замер, недоумевая: за что?!

- Выгнали! Выгнали! – Ужасно Нервная Ворона ехидно раскачивалась на мокрой ветке, совсем рядом.

- Не выгнали, – пытался сохранить остатки репутации Весьма Солидный Кот, - а бережно вынесли погулять, чтобы я лапы в пыльном подъезде не испачкал.

- Что-то рановато тебя вынесли, - ухмыльнулась Ворона, - едва рассвело. Небось, и позавтракать не успел.

- Сначала утренняя пробежка – потом завтрак. – Уже не так уверенно промямлил Кот и уселся на пушистый, аккуратно подстеленный, свой же хвост. Хвоста было жалко, но кошачье здоровье дороже.

- Ну-ну... – Прозвучало в ответ.

Вообще-то, жизнь обычно баловала этого кота. Хозяйка Алёна ему досталась на редкость заботливая и ласковая. Она регулярно чесала ему за ушком, разглаживала нежной ладошкой слегка взъерошенную шерсть на кошачьей спине и приговаривала: «У, ты мой усатенький - полосатенький!» А Весьма Солидный Кот в это время, блаженствуя, потягивался и думал: «Не полосатый я, а черепаховый! Редкая порода!» Его купали и расчёсывали, кормили и угощали, холили и баловали. Поэтому каждый раз, когда к хозяйке приходили гости и видели Кота, с восторгом говорили: «Ого, какой у вас важный кот! Хвост трубой, грудь колесом!» А тот согласно жмурился, и медленно уходил подремать на свой уютный лежачок возле батареи. Он думал про себя так: «Да, я очень важный Кот, Весьма Солидный! Редкий, черепаховый! Да если бы я был человеком и ходил на двух ногах, у меня наверняка был бы свой офис. И личный водитель. И два, нет, три килограмма свежей рыбы каждое воскресенье!»

Приятные воспоминания рассеялись, как только в животе что-то крякнуло и тихонечко так присвистнуло. Кот икнул.

- Это всего лишь трагическая случайность! – неосторожно громко произнёс он.

- Учись отличать случайности от закономерностей, а не то случайности займут место закономерностей! – философски посоветовала Ужасно Нервная Ворона. – Ну, до встречи! Мне на работу пора!

На этот раз Лист ничего не ответил. Потому что ничего не понял из сказанного вороной. «Надо же, какие птицы разговорчивые бывают! Лети, лети! Работай! - подумал он, глядя ей вслед. – А я ещё здесь посижу. Сейчас хозяйка Алёна проснётся и назад меня позовёт.

Рассвело. Пришёл дворник Вениамин. Взмахнул растрёпанной метлой. Оглянулся.

- А ты откуда здесь, полосатый?

«Я не полосатый! Я че-ре-па-хо-вый!» - подумал Кот и отвернулся. Ещё не хватало – с дворником разговаривать.

- Потерялся? Заблудился? Ах ты, бедолага! – дворник наклонился и заглянул в несчастное кошачье лицо. Или морду. – А может, ты с балкона свалился? Интересно, с какого этажа?

И дворник, задрав голову, начал разглядывать балконы, пытаясь угадать, с какого из них мог сорваться кот.

Дом старый, трёхэтажный, с покатою крышей и высокими узкими окошками. Всего-то два подъезда да четыре крошечных балкончика. А вокруг - такие же старые, как дом, тополя. Когда-то давно их посадили здесь первые жильцы. Тогда и деревьями эти тополя вроде как не были – всего лишь чёрные прутьки, сиротливо торчавшие из земли, дрожащие на ветру и замерзающие под холодным дождём, в тени кирпичных стен. Теперь они стали такими высокими и сильными, что рядом с ними дом казался совсем небольшим.

Тут уместно добавить, что кот Лист оказался на улице в столь раннюю пору не в первый раз. Не то чтобы он любил утренние прогулки, скорее – любил рано завтракать. Но это, к сожалению, редко совпадало с желаниями хозяйки. И тогда на помощь приходили как раз вот эти высокие деревья. Они всё видели сверху, всё помнили, всех узнавали и в трудную минуту рады были помочь каждому – и человеку, и коту...

Кот посмотрел вверх, на ближайшую ветку. Надо было прыгать. Р-раз – и когти вцепились в сырой шероховатый ствол старого тополя, два, три – и кот уже машет хвостом с ветки, на которой только что сидела Ужасно Нервная Ворона.

Сердобольный дворник Вениамин лишь ухмыльнулся, увидев это:

- Э, брат, да ты, как белка в лесу, прыгучий! Не пропадёшь, значит.

А Весьма Солидный Кот уже примеривался: ещё несколько мокрых веток – всего-то пара прыжков – и вот он – родной балкончик, а там и форточка открыта.

Штррык...ширк... Что это? Шкрр... Что за звук?

Хотел домой вернуться, да передумал. Остановился. Замер. Голову поднял. Усы вытянул. Высоко-высоко на дереве, там, где уже почти крона, - не то птичка какая-то, не то мышка.... И что мышка на дереве делает? Мышки в норах сидят. Птичка, наверное. Ма-аленькая, коричневая, с чёрными и серыми полосками. Как будто воробышек взъерошенный. Нет, не воробей. Неизвестная птичка. Подпрыгивает, а не летит. Почему не летит? «Штрыкает», а непонятно – что. Зачем «штрыкает»?

Азарт охотника победил. Забыл Кот, что он – Весьма Солидный. И что в форточку запрыгнуть хотел, тоже забыл. Решил получше птичку рассмотреть, поближе с ней познакомиться. И полез наверх. Даже не заметил, как на десять метров по стволу дерева поднялся, и ещё раз на десять. Тише, тише: не спугнуть. Спрятаться за толстой веткой, обогнув ствол. Подкрасться незаметно. Ещё медленнее. Прижать уши. Лечь животом на холодную кору. Не моргать. Почти замереть... Задние лапы сами собой переставляются. Дёрнулся хвост. Прыжок! И – цап!

Птичка попалась! Попалась! Всё!

Ах, что это? Лапы разжались:

- Ты кто? Ты, вообще, - ЧТО такое?

Перед ним, едва держась на высохшей перемычке, трепыхался почерневший от дождей и метелей, сморщенный на зимнем ветру, давно увядший прошлогодний тополиный листик. Он тихонько шуршал под весенним солнышком: «штррык... ширк...» и улыбался.

Вы представьте только: улыбался!

У Кота дыхание перехватило от возмущения: обман! Какой обман!

- Ты чего улыбаешься, обманщик?

А прошлогодний листик прошелестел:

- Я ждал весну! Меня покинули друзья, и я остался один. Но я ждал весну! Меня накрывало снегом, меня жгло солнце и пугали вьюги, я цепенел от мороза, но я держался из последних сил. До последнего вздоха зимы.

Чтобы ещё раз увидеть весну. Чтобы ещё раз почувствовать себя сильным и свободным.

Тут вдруг листик оторвался от своей ветхой перемычки и вспорхнул, закружился, полетел.... Под ослепительным мартовским солнцем он был похож... нет, не на птичку – на бабочку, на прекрасного Чёрного Махаона, какие живут только в загадочной Индии.

Кот ничего не знал о Чёрных Махаонах и никогда их не видел. Он видел только прошлогодний сухой лист, радостно и стремительно удаляющийся, мелькающий среди сотен встопорщенных веток. И – о, ужас! он увидел совсем маленькую крышу своего дома, похожего теперь больше всего на спичечный коробок, и крошечного – не больше муравья – дворника Вениамина.

Что было дальше, Весьма Солидный Кот не любит рассказывать. Но все в доме говорят, что он мужественно просидел на макушке дерева до самого вечера, мерно раскачиваясь на мартовском ветру вместе с ветками. У него кружилась голова, но он молчал, потому что очень надеялся, что его спасут. Ведь кот не умеет летать, как прошлогодний листок или бабочка Махаон.

Его спасал дворник Вениамин.

Его спасала хозяйка Алёна.

Но дерево было слишком высокое.

И тогда приехал Отважный Пожарник Петров на красной машине с лестницей. Он поднялся по длинной-длинной лестнице на это высокое дерево, и Кот обнял его всеми четырьмя лапами. Так и спустились они на землю вместе, обнявшись. Петров сказал: «Ну, иди домой, полосатый!» А кот лизнул его в щёку и подумал: «Не полосатый я, а черепаховый! Давай дружить!» И улыбнулся.

Барсик

Однажды на даче пошли мы с ребятами на рыбалку. Рано встали, только-только солнышко показалось. У каждого – удочка, банка с червяками и ведро для рыбы.

Пришли на пруд. Удочки закинули. У Стасика то и дело рыба клюёт. Наловил он рыбы целое ведро. И ещё ловит. Я ему даже своё ведро отдал. Он и его почти полное набрал. Илья до половины ведро рыбой наполнил. Оба довольные сидят, улыбаются.

А я сколько ни старался, как удочку ни забрасывал – ничего не клюёт. Всех червяков перевёл. Один, последний, остался. Самый маленький. Нацепил я его на крючок, плюнул для верности и закинул в пруд. Ждал-ждал. Вдруг смотрю: круги по воде пошли, поплавок заплясал. Я обрадовался да как дёрну! Смотрю – а за крючок ма-ленький карасик зацепился и на меня смотрит. Жалко мне его стало, а отпустить не смог. Побоялся, что дома смеяться надо мной станут, мол, вот горе-рыбак, ничего не поймал.

Набрал я воды в баночку из-под червяков и запустил туда рыбку. Дома на мою рыбку посмотрели и ничего не сказали. Посадил я тогда карасика в банку из-под варенья, и стал он у меня жить. День живёт, второй, третий. Я его червячками кормлю, мушками всякими. Вот смотрю – а он уже в банку из-под варенья не вмещается. Вырос.

Пересадил я рыбку в банку из-под огурцов. Камешков насыпал на дно, водорослей из пруда принёс, чтобы уютно было в банке. И опять товарища своего кормлю то червячками, то мушками. Привык я к карасику. Назвал его Барсиком и решил, что никогда с ним не расстанусь.

Барсик тоже ко мне привыкать начал. Ест червяков и на меня из банки смотрит, не боится. А сам уже и в банку из-под огурцов не вмещается. Опять вырос.

Пришлось его в город в ведре везти. Выпросил я у мамы на свой День рождения аквариум для Барсика. Сто литров, с фильтром и кондиционером. Стал карасик в аквариуме жить. Сначала ему там просторно плавать было, а потом он из аквариума тоже вырос. Даже хвост наружу торчал.

Нечего делать. Набрал я воды в ванну и туда своего карася пересадил. Карасю хорошо, а всем, кто в квартире живёт – не очень. Ни постирать, ни искупаться. Ходим все невымытые, в грязной одежде.

А Барсик всё растёт и растёт, в ванну уже не вмещается.

Что делать? Позвонил я в МЧС, спасателям. «Спасите - говорю - мою рыбку, она растёт не по дням, а по часам и в ванну уже не вмещается».

Спасатели приехали на большой машине с надписью «Рыба». Посадили в неё карася, к речке отвезли и там выпустили.

Стал Барсик в речке жить. А я к нему каждый день приходил повидаться, червяками кормил и хлебом «Бородинским», новости ему рассказывал. А он плавал, плавал в речке и опять вырос. Тесно ему стало даже в нашей большой речке.

Думали мы с ним, думали, как дальше быть, и решили, что надо ему в море перебираться. Обнял я своего друга Барсика, пожелал ему счастливого пути, и уплыл он в море. Стал там жить. А я к нему на летних каникулах каждый год приезжал, червяков с дачи привозил и хлеба «Бородинского». Вот приду на берег, крикну: «Барсик!» А он тут как тут. Червяков с хлебом съест, новости послушает, обнимет меня и опять в море, на просторе плавать.

Приехал я однажды на море, смотрю, - а мой карась уже и в море не вмещается. Сам в волнах плещется, а хвост на берегу лежит, отдыхающих беспокоит. Отдал я ему червяков и говорю: «Давай, Барсик, плыви в океан!»

Поплыл Барсик в океан, в кругосветное путешествие отправился. Я к нему то в Австралию приезжаю, то в Африку, а один раз даже в Антарктиду. Червяков ему с дачи привожу в подарок и хлеб «Бородинский» Уж очень мой карасик их любит. Я за ним весь мир объездил. А он всё растёт и растёт.

Вот уже и в океане ему тесно. Стал карась больше, чем Евразия и Америка вместе взятые. И решил он тогда в небо нырнуть. Плавает теперь по небу, как гигантский дирижабль. Хорошо ему там, просторно. А люди смотрят на него снизу вверх и говорят: «Смотрите, какое облако большое, на рыбу похоже!» Но я-то знаю, что это мой Барсик.